

Азъ

Поэзия

Владимир Васильев

Время
инверсий

АСТ
Москва

Поэзия

Владимир Васильев

Время инверсий

Данный текст любопытен делу Тьмы.

Дневной Дозор

Данный текст небезынтересен делу Света.

Ночной Дозор

Без комментариев.

(Без подписи)

Пролог

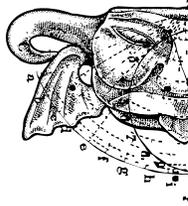

Воздух над городом завис душный и тягучий, Николаев изнывал под прессом жаркого июля, но Шведу после тропиков и экваториальных портов было даже слегка прохладно. Воистину — все познается в сравнении, в том числе и комфортная температура.

Он отсутствовал чуть больше двух лет. Два года почти без магии (не считать же усмирение расслабившегося от непривычной пищи и чужой воды желудка?), два года без Дозоров и связанных с ними забот-хлопот. Два года в достаточно ограниченном пространстве с обычными людьми. Нет, на берегу Иные Шведу, конечно же, встречались. Но общаться с ними не возникало ни малейшего желания даже на второй год, когда с некоторым удивлением Швед обнаружил, что довольно бегло шпарит на том общемировом пиджине, который за пределами Северной Америки и Европы принято считать английским языком. И что еще удивительнее — прекрасно понимает сказанное в ответ.

Он выпал из привычной жизни на два с лишним года, и это было замечательное время.

Но все когда-нибудь заканчивается.

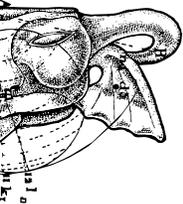

Швед вышел из маршрутки на углу Октябрьского проспекта и улицы Васляева. Район детства и юности. В этот кинотеатр бегали с друзьями на утренние сеансы; потом, когда подросли, ходили на вечерние. Вон в том книжном шерстили обменный и макулатурный отделы в поисках редких изданий «рамочки», любых Стругацких и фантастики в целом. Сюда вот многожды заглядывал, когда родители посылали за хлебом, только вместо советского продуктового магазина на углу теперь образовался салон красоты. Впереди по Васляева (тогда еще Театральной) стоит родная школа, в которой грыз разнообразные науки от звонка до звонка десять лет, а напротив стадион, где знакома каждая кочка, а каждая штанга обоих ворот неоднократно бита упрямым мячом. А чуть дальше — дворец спорта «Заря», там Швед еще в дофутбольные времена даже велоспортом и плаванием умудрился позаниматься.

В свое время Швед очень удивился, когда узнал, что офис николаевского Дневного Дозора расположен непосредственно за забором его родной школы, только не со стороны парадного входа, а со стороны черного. Принято было считать, что в неприметном трехэтажном здании около школы расположен архив. Швед никогда не интересовался — архив чего, собственно? И никто не интересовался. Это был просто абстрактный «архив», и, невзирая на то, что перемахнуть через школьный забор было проще простого (почти по всему периметру и лазили все десять лет), никаких особых игрищ на территории архива Швед припомнить не мог, хотя пару раз туда таки забирались, было дело. Между зданием и забором росли платаны и крупнолистные акации, под ними царили сумрак и прохлада даже ярким летним полднем — это все, что запомнилось Шведу с тех давних детских визитов на территорию, которую вроде бы никто не объявлял запретной, но куда тем не менее практически не вторгались вездесущие школьники.

У чуть покосившихся решетчатых, крашенных в зеленый цвет ворот Швед остановился и озадаченно поглядел на не-

Позоры

П · Р · О · Л · О · Г

большой китайский навесной замок, на который оказалась заперта калитка.

Сроду никто эту калитку не запирает.

Швед с опаской подергал за металлические прутья — таки да, заперто.

Взглянул на входную дверь в здание — тоже закрыта, и вроде бы какое-то объявление к ней пришили, но от калитки, естественно, его не прочтешь.

Воровато зыркнув направо-налево (прохожих поблизости, к счастью, не случилось), он прошел сквозь решетку, словно киношный Терминатор.

«Дожились, — подумал Швед с легкой досадой. — В родимый офис приходится не входить, как положено, а проникать...»

Объявление на двери гласило: «Архив закрыт на неопределенный срок».

И все, больше ни словечка.

Пришлось глянуть из Сумрака — так и есть, помимо текста еще и личная печать Исы, заместителя, но объяснений никаких. Ну и вместо «архив» читалось, естественно, «офис».

«Ну, я вам устрою!» — подумал Швед сердито.

Расслабились, работнички. Откровенно забили на работу. Небось по морям прохлаждаются.

«А сам-то?» — ехидно поинтересовался внутренний голос, который обычно принято именовать совестью.

«Я давно готовился! — сам себе ответил Швед, отчетливо сознавая, что оправдывается. — И дела загодя подтянул, должны были без меня справиться!»

Швед скорбно вздохнул и уже приготовился было пройти и сквозь двери тоже, потому что ключа от офиса он не то что никогда не имел, но даже никогда и не видел.

И вдруг дверь открылась.

Сначала Шведу показалось, что сама собой, но в следующее мгновение в полумраке за порогом он разглядел фигуру в сером балахоне.

Швед невольно напрягся.

«Инквизитор, что ли?» — подумал он, словно существовали еще какие-нибудь варианты.

— Входи, Темный! — произнес Инквизитор неожиданно высоким голосом, а еще секундой позже Швед понял, что это не Инквизитор, а Инквизиторша. Голос показался смутно знакомым, Швед определенно его уже когда-то слышал.

Фигура в балахоне отступила в глубь помещения, в небольшой холл, где, по идее, полагалось находиться дежурным.

Швед вошел. Дверь за его спиной с легким стуком захлопнулась.

— Поднимайся к себе, там ждут, — сказала Инквизиторша и призывно качнула головой в сторону лестницы.

Швед не заставил себя упрашивать. Инквизиторшу он так и не узнал.

Перед дверью в собственный кабинет Швед на миг замешкался, но вовсе не от нерешительности. Он не входил сюда больше двух лет. И сейчас внезапно осознал: он не чувствует, что вернулся домой. Кабинет казался чужим — возможно, из-за отсутствия Инквизиторов?

Вздыхнув, Швед отогнал некстати нахлынувшие мысли и толкнул далеко не парадную дверь — на ней не было никаких табличек; краска местами потрескалась, а кое-где и вовсе облупилась, да и вообще дверь уместнее смотрелась бы в каком-нибудь заштатном совдеповском учреждении, нежели в офисе Дневного Дозора полумиллионного города, да еще в кабинете формального главы. Да что говорить — прямиком из совдеповского архива эта дверь и прорвалась в двадцать первый век, даром что с какого-то момента в учреждении стали хозяйничать не люди, а Темные Иные. Советскую власть Швед прекрасно помнил, поскольку при ней родился, вырос и окончил школу. Начало хозяйствования Темных — нет, потому что произошло это до его инициации и даже до рождения.

Швед не смог прощупать кабинет из коридора, поэтому понятия не имел, кто ждет его внутри. Разумеется, Инквизи-

торы, но сколько их и кто именно — неясно. Без сомнений, при них какие-то блокирующие магию амулеты, эта публика обычно подобными штучками охотно пользуется.

Инквизиторов было трое. Один сидел в новом любимом кресле Шведа (старое любимое находилось дома), второй стоял у окна и пялился на пышные ветви платана, почти достигающие стекол, третий рассеянно листал какую-то книгу у шкафа. Когда Швед вошел, ни один из них не повернул головы, капюшоны все так же оставались надвинутыми на самые брови, под ними царил сумрак — обычный, — и лиц разглядеть было невозможно.

— Наконец-то, — буркнул тот, что сидел в кресле. — Мы уж заждались.

— Здравствуйте, — как мог спокойно поздоровался Швед.

Он действительно был спокоен — за последние два года магией он практически не пользовался, стало быть, нарушить ничего не мог. Швед физически не мог заинтересовать Инквизицию. Если что-нибудь в Николаеве и произошло, то однозначно без его участия. А поскольку глава он формальный — отвечать реальному главе Причерноморья, Сене Кричковскому, обретающемуся, естественно, в Одессе.

Чуть больше двенадцати лет назад главой Темных Причерноморья был назначен Швед, но не продержался в должности и года. Старые Иные сочли целесообразным, чтобы в Одессе руководил одессит, а не пришлый. Швед с облегчением сдал дела местному Иному и укатил в Николаев, на привычную должность заместителя по Николаеву. С коллегой из Херсона Брумелем, помнится, тогда даже пирушку на радостях закатали. Единственное, чего Швед не понял, — из каких соображений главе украинского Дневного Дозора тогда заблажилось назначить шефом Причерноморья взамен Турлянского его, Шведа, а не сразу одессита Кричковского. Семен по внешности годился Шведу в отцы, а по возрасту — в деды, а то и в прадеды: его инициировали еще в тридцатые годы прошлого века. Однако Лайк назначил

Дозоры

Владимир Васильев

Время инверсий

Шведа, а потом по обыкновению пропал на несколько лет. Ну и переиграли без него в конце концов, чтобы всем было удобно. Правда, Швед опасался, что Лайк, едва вернется, снова примется тасовать народ на должностях по своему разумению, но это еще когда случится! А пока можно и пожить прежней жизнью, без вечной головной боли и ненужной ответственности.

— Дмитрий Шведов, Темный Иной, заместитель шефа Дневного Дозора Причерноморья по Николаеву! — заговорил сидящий в кресле Инквизитор, и Швед его внезапно узнал.

Аристарх Турлянский. Бывший шеф Причерноморья. Тот, кто инициировал нынешнего шефа, Сеню Кричковского. Бывший друг. Ныне — Инквизитор, у которого друзей быть не может по определению, больше двенадцати лет уже, аккуратно с памятной операции в Санкт-Петербурге, когда усмиряли дикарей Ямайца, а чуть позже и самого Ямайца.

— Тебе вменяется в обязанность в кратчайший срок прибыть в Киев и возглавить тамошний Дневной Дозор, — бесстрастно проговорил Инквизитор и умолк.

— Ч-чего? — выдавил ошарашенный Швед. — Вы в своем уме, господа хорошие?

Турлянский чуть приподнял голову, и Швед наконец-то увидел его глаза. Холодные и бесстрастные глаза Инквизитора. Такие знакомые и одновременно такие чужие.

«Елки-палки! — подумал Швед, чувствуя, что его охватывает неизбежная паника. — Что ж тут без меня происходило, а?»

— Можешь задавать вопросы, — неожиданно позволил Инквизитор. — Но немного и дельные.

У нас мало времени.

Глава первая

До Киева Швед доехал в полном смятении чувств. Случившееся не укладывалось в голове.

Главой украинских Темных с незапамятных времен был Иной, которого в последние годы именовали просто Лайком. Фамилию Шереметьев он носил вряд ли дольше двухсот — трехсот лет. Самые старые Иные, например, глава Дневного Дозора Москвы Завулон, иногда называли Лайка Тавискаронном. Швед как-то глянул в мифологический словарь и выяснил, что это какое-то древнее индейское божество. В общем, возраст Лайка наверняка исчислялся тысячами лет. Возраст Завулона, без сомнения, тоже. Руководители Ночных Дозоров Москвы и Киева — Гесер и фон Киссель — успели прожить сопоставимые сроки, тем более что Лайк как-то обмолвился, что фон Киссель ему приходится родственником, чуть ли не братом.

Шведу от роду было сорок три; инициировали его тридцать три года назад. По сравнению с долгожителями Завулонном и Лайком он даже не младенец. В лучшем случае — сперматозоид. Опыт его смело можно было считать нулевым. Магическая сила на пиках соответствовала хорошему второму